

1404
44 стр. 29кг.

И. К. А/Сузе

Судебн. о труде Махмуда

~~Кашгарова~~
ПАПКА ДЛЯ БУМАГ

ПАПКА

ДЛЯ

БУМАГ

Жузе, П.К.

Статья о труде Махмуда
Кашгарского.

Арт. 920—16
Цена 1 р. 60 к.

1.

Проф. П.К. Жузе.

В 1333г./=1912/ министерством народного просвещения в Турции был выпущен в свет трёхтомный труд Махмуда Кашгарского /ХIв./, каким-то чудом сохранившийся в библиотеке некоего Али Эмира Диарбекирского, бывшего губернского секретаря в Алеппо.

Появление вышеназванной книги было настолько неожиданным, а её содержание настолько ошеломляющим, настолько поражающим по своему богатству и широте научных замыслов, что некоторым и до сих пор кажется, что мы имеем здесь дело с мистификацией, чему не мало содействует и то обстоятельство, что ни название книги, ни имя её автора не встречаются ни в одном ¹ из многочисленных библиографических и биографических трудов, которыми мусульманский мир вправе гордиться. Однако, факт остается фактом: книга написана турком из отдалённой Кашгарии на арабском языке во второй половине ХI в.

Труд Махмуда Кашгарского создаёт бесспорно эпоху в истории тюркологии. Это обстоятельство в связи с отсутствием на русском языке каких бы то ни было сведений о названном сочинении побуждает нас посвятить ему несколько слов в нашем академическом органе.

Но прежде, чем говорить о самом труде М.Кашгарского, я считаю полезным выяснить те условия, при наличии которых мог появиться этот труд.

¹/ Единствен.упоминание, как потом выяснилось, встречается в известном библиографическом словаре Хаджи Халифа; см..... т.1, 520/конст.изд./

Знакомство арабов - мусульман с разными турецкими племенами началось довольно рано; если верить преданию, первое столкновение между арабами и тюрками произошло еще в 642 году в Тухарестане при преследовании разбитой армии последнего персидского царя, Иездигерда III¹. Но это случайное столкновение с каким-нибудь передовым турецким отрядом, если даже оно имело место, не играло никакой роли в завязавшейся скоро продолжительной и кровопролитной борьбе между двумя вышеупомянутыми нациями.

Более значительные столкновения произошли значительно позднее, уже при халифе Османе, когда арабы, захватив в свои руки Хорасан, начали оттуда постепенно проникать вглубь Средней Азии, в значительной степени населенной уже тогда турками.

Началась отчаянная схватка, продолжавшаяся около пятидесяти лет, между двумя совершенно незнакомыми народами, стоявшими почти на одинаковой степени культуры. Исход борьбы долгое время казался сомнительным, и арабам, вероятно², не раз приходилось каяться, что они так далеко углубились в незнакомую им страну и затеяли войну с таким воинственным народом, каким на деле оказались турки, упорно защищавшие каждую пядь родной земли. Но отказаться от начатого уже дела нельзя было, и войну надо было довести до конца во что бы то ни стало и чего бы она ни стоила: этого требовали экономические, стратегические и религиозные соображения.

¹/См....., 16. За неимением под руками всего Табари приходится, к сожалению, пользоваться вторыми источниками.

²/Табари, III, р. 1532-33, -34, -41, -47 и др.

Общими усилиями и напряженной деятельностью таких выдающихся халифов, как Мо'авия, Абдулмалик, Валид, и Хишам, таких наместников на востоке халифата, как Зиад, Убайдуллах и Хажжаж, и таких гениальных стратегов, как Кутайба, Наср ибн Саияр, Маслама и др., отчаянное сопротивление турецких племен было, наконец, сломлено, турецкие земли включены в состав омайядского государства и границы халифата придвинуты к границам Китая, куда молодая мусульманская армия нередко вторгалась с целью грабежа и получения добычи.

Прямым последствием военно-административной деятельности вышеупомянутых лиц было не только закрепление за новыми завоевателями обширного края, в значительной степени населенного турецкими племенами, но — что для нас более важно — и отторжение этих племен от культурно-политического влияния Китая и вовлечение их в орбиту мусульманской религии и мусульманской культуры. Эта трудная задача вполне, можно сказать, удалась арабам: турки легко покидали свою старую религию или религии и тысячами принимали ислам и мусульманские взгляды на вещи. Неважно, что этот переход совершался на первых порах по принуждению или, скорее, по экономическим соображениям, чем по убеждению или из любви к новой религии и ее представителям.

Для новых завоевателей самым важным на первых порах считался самый переход новых народов в ислам, а не побуждения к переходу. Если первое поколение лишь по имени могло считаться мусульманским, то следующие поколения твердо стояли в исламе и за ислам. Быстрой исламизации нового турецкого края и его приобщению к новой культуре и новому мировоззрению не мало

содействовала колонизация его арабами: целые арабские племена со своим скарбом были переброшены из разных частей аравийского полуострова и Сирии в Среднюю Азию¹, в Закавказье и в другие завоеванные области.

Как только арабы-мусульмане стали твердой ногой на турецкой земле, за арабской армией потянулись мусульманские купцы, чиновники и ремесленники, а за ними или одновременно с ними проповедники новой религии и уже за всеми этими-любопытные путешественники и ученые.

Под влиянием нахлынувших в новый край самых разнообразных слоев тогдашнего мусульманского общества, турки начинают быстро усваивать основы новой религии и новой культуры и, стало быть, забывают свою старую религию и старую историю². Как быстро совершился этот процесс - трудно сказать, но факт тот, что уже в X в., вернее, еще раньше, турки не знают названий своих старых, турецких, месяцев и недельных дней, и, вместо них, употребляют арабские.

Дело дошло до того, что Махмуд Кашгарский, автор "Дивана турецких языков" и самые ученые турок X в., утверждает даже, что "у турок не было названий для недельных дней, ибо неделя /деление на недели/ стала известна им со времени принятия ими ислама"³. Тоже самое и относительно названий месяцев: "в стране употребляются арабские названия месяцев, хотя номады и невежественные язычники делят их на четыре части и дают каждой части, состоящей из трех месяцев, особое

¹/Остатки их и до сих пор живут в Самаркандской области и в пределах Афганистана. См. Афганский Сборник. М. 1924, стр. 39.

²/Академик В.В. Бартольд уже отметил этот факт в своих лекциях, читанных студентам Вос. фак-та АГУ. См. его "Место прикасп. области в истории мус. мира". Баку, 1925 г. стр. 134.

³/См. его..... 1. 290-291.

/турецкое/ название. Но я их /названий/ не буду здесь приводить, так как они редко употребляются".

С турками произошло, как видим, ~~то~~ же самое, что и с другими некультурными народами, столкнувшимися с более культурными народами, имевшими к тому же свою религию, которую они считали своим долгом передать всем другим народам: они быстро утрачивают свои обычаи, религию и даже язык и постепенно сливаются с более культурными завоевателями.

Влияние новой религии и культуры на турецкие племена было, судя по свидетельству Махмуда Кашгарского, настолько сильно, что можно было опасаться полного слияния покоренных народов с покорителями, как это случилось, скажем, в Галлии и Испании, где народ, спустя каких-нибудь сто лет после завоевания этих стран римлянами, перестал уже говорить на родном языке, усвоив язык завоевателей.

Но этого не случилось ни с турками, ни с персами по причинам, о которых речь будет дальше. Арабов времен Омайядов, и, отчасти, Аббасидов интересовали лишь два вопроса: распространение новой религии и аккуратное поступление налогов и податей, а до остального им было мало дела. Но таковы уже сила и характер новой религии, что народы, принявшие ее хотя бы из рук своих поработителей, незаметно сближаются духовно с этими последними и постепенно втягиваются в круг их интересов, нередко отождествляя их со своими собственными.

Начавшись при Омайядах, духовно-культурное сближение между арабами и турками особенно усиливается при Аббасидах.

Аббасиды, захватившие власть при помощи инородческих элементов в государстве, мало доверяли своим арабам, в силу

чего они довольно рано начинают окружать себя более преданными им персами и турками, поступавшими к ним на службу из самых отдаленных частей халифата и, в частности, из Ферганы и Ошрусаны. Начиная с Ма'муна /813-833/ и Мутасима /833-842/, самые отборные войска халифа и его собственная гвардия состоят уже из турецких солдат под командой своих собственных генералов и офицеров.

Для этих солдат строят в Багдаде и Самарре особые казармы, им платят хорошее жалование и за ними усиленно ухаживают.

Мутасим, разочаровавшись в своей арабо-персидской армии, изменившей ему во время одного из обычных походов в Малую Азию, формирует чисто турецкие полки с турецким командным составом. Полки эти скоро показали себя с лучшей стороны, покрыв себя неувядаемой славой в боях против византийцев, персов-коммунистов, восставших в Египте и Аравии арабов и т.д. Без преувеличения можно сказать, что только благодаря турецким полкам, энергии и выдающимся военным талантам их предводителя - генералиссимуса Афшина удалось спасти при том же Мутасиме государство от грозившей ему опасности со стороны объединенных действий византийцев и коммунистов - папакитов¹, напавших на халифат с разных сторон. Мутасим не знал, как отблагодарить своего верного полководца и спасителя и его храброе войско. С целью, повидимому, крепче привязать к себе турецкие войска он женится на турчанке Шутае, матери будущего халифа Мутаваккиля, который всецело был обязан своим тронном сородичам своей матери.

¹/См. нашу статью: "Папак и папакиты". Баку 1922г.

К несчастью аббасидских халифов, взлелеянные ими турецкие войска не сумели удержаться в пределах благоразумия и удовольствоваться той почетной ролью, которая выпала на их долю - быть, как говорит наблюдательный Джахиз, "для ислама материей /.../ и отборным войском, а для халифов - защитой и убежищем"¹.

Упоенные, с одной стороны, своими победами на разных фронтах и гордые сознанием оказанных ими халифату и халифам услуг, а с другой, имея дело со слабыми, выродившимися халифами, турецкие войска превращаются скоро в настоящих преторианцев, начинают держать себя независимо и чувствовать себя истинными хозяевами халифата. Мало того, некоторые из их представителей, как, например, генералиссимус всей армии Афшин /Хандер ибн Каус/, увенчанный гербом, только что разгромивший византийские армии в Малой Азии и персидско-коммунистическую ² в горной части Азербайджана /Каратаг/³, задумал, повидимому, совсем отложиться от халифата и образовать, по примеру Тахиридов в северной Персии, турецкое полусамостоятельное государство у себя на родине, в Ошрусане.

Этим, по крайней мере, большинство мусульманских и некоторые из европейских историков объясняют постигшую Афшина немилость, положившую конец его преждевременному замыслу. Афшин несколько ошибся в своих расчетах и в оценке халифских сил и халифского влияния в стране: его

¹/.....

²/См. П. Жузе "Папак и Папакиты".

³/ В пределах Ленкоран. уезда нашего Закавказского Азербайджана.

замысел был разгадан, и он поплатился жизнью за свою опасную затею ¹.

Но от этого общее положение турок в Багдаде и вообще в халифате нисколько не изменилось к худшему даже при самом Му'тасиме, так жестоко и коварно расправившемся со своим спасителем и лучшим полководцем: заметно клонившееся к упадку наследие Мансура все равно не могло жить своими собственными силами и воле́й-неволе́й должно было опереться на наемные войска, состоявшие главным образом из турок. Это всем стало ясным уже при втором преемнике Мутасима — Мутаваккиле, первой жертве турецких преторианцев в Багдаде.

Начиная с этого халифа и до потери аббасидами светской власти, при Буидах фактически государство управлялось, за редкими исключениями, турками и их клевретами; они назначали халифов и устраняли их по своему усмотрению, руководствуясь при этом не какими-нибудь государственными соображениями

1) См., 406. Любопытно отметить здесь некоторые черты из интимной жизни убитого полководца, обнаружившиеся при допросе и после его смерти. Оказалось, если верить некоторым мусульманским историкам, что Афшин, несмотря на то, что уже давно находился на службе у багдадских халифов и, повидному, давно принял ислам, продолжал поддерживать живые связи с родиной, вести со своими тайную переписку, держаться тайно религии своих отцов и их обрядов и высоко чтить свою национальную турецкую литературу.

На вопрос одного из членов следственной комиссии, назначенной халифом Мутасимом для расследования возведенных на Афшина обвинений: "Что это за книга у тебя, которую ты разукрасил шелком и драгоценными камнями"? — последний, якобы, ответил: "Эту книгу я унаследовал от своего отца, она содержит нравственно-назидательные сентенции для евреев, что является религией /турецкого/ народа, считаемой теперь мною неверием. Я внимаю лишь нравственной стороне в ней и отвергаю остальное".

По словам другого свидетеля, персидского вельможи Мазьяра, с которым Афшин поддерживал якобы тайную преступную переписку, последний писал ему, будто бы, что "мы могли бы, если бы ты только согласился со мной, стереть с лица земли мусульманскую религию и вернуться к своей, старой, персидской религии". Что во всех этих и других обвинениях соответствует действительности — трудно сказать, но, надо думать, халиф располагал несомненными доказательствами виновности Афшина, если он мог так легко отделаться от такого влиятельного и нужного ему человека.

или личными качествами того или другого халифа, а исключительно своими личными интересами. Халифы менялись очень часто, причем очень немногие из них умирали естественной смертью. До какого унижения дошли выродившиеся потомки гениального Мансура - показывает следующий случай из жизни халифа Мустаина /862-866/, приведенный у ибн Маскаваихи.

Вынужденный бежать от своих телохранителей - турок из Самарры в Багдад, названный халиф всячески старался при помощи влиятельных турецких генералов-майордомов снова примириться с ними, что ему и удалось. Раскаявшиеся представители халифской гвардии, прибыв в Багдад и будучи допущены к халифу, "бросились к его ногам, сняли свои пояса в знак покорности и унижения и умоляли его простить их". Халиф, выслушав их, обратился к ним со следующей речью: "Вы обратились ко мне с ходатайством о ваших сыновьях, числом до двух тысяч, и я присоединил их к вам /уравняв их с вами по жалованью?/, и о ваших дочерях, числом до четырех тысяч, не считая взрослых, и я распространил на них права, предоставленные замужним. Я засыпал вас всякими земными благами настолько, что приказал отлить /превратить в деньги/ для вас свои золотые и серебряные сосуды. Я отказал себе в наслаждениях и удовольствиях исключительно с целью угодить вам и ради вашей пользы, вы же становитесь все больше и больше требовательными, безчинствуете, угрожаете мне и отворачиваетесь /от меня/". ... Выслушав халифа, Баикбей /представитель турок/ сказал ему: "Если ты больше на нас не сердишься и действительно простил нас, то встань и иди

с нами в Самарру, ибо турки там тебя ждут". Один из присутствовавших при этой сцене заметил Баикбею, что нельзя так обращаться с халифом - "встань и иди с нами", - на что халиф, улыбнувшись, сказал: "это - народ грубый /или: они ведь не арабы/...../ / и нельзя от них требовать умения правильно выражаться и соблюдения приличия в разговоре" ¹.

Не менее рельефно изображает взаимоотношения между халифами данного периода и их преторианцами - турками следующий рассказ историка ибн-Тактаки²: "Когда Мутазз /866-869/, говорит он, воссел на престол халифа, приближенные его /свита/, собравшись, пригласили астрологов и сказали им: "Посмотрите - сколько лет халиф проживет и сколько лет он будет халифом?" На собрании присутствовал какой-то остряк, который сказал: "Я лучше их знаю, сколько лет он проживет и сколько он будет халифом". - Сколько? - спросили его; - "Столько, сколько угодно будет туркам", - ответил он; ответ его вызвал общий смех собравшихся".

И действительно, не прошло и трех лет, как турки восстали против названного халифа и потребовали от него денег, которых он не мог им дать при всем своем желании, так как казна была пуста. Тогда, - сообщает тот же историк, - турки решили низложить его и убить. Явившись перед воротами /его дворца/, они послали к нему и потребовали, чтобы он вышел к ним, но он извинился, что не может выйти к ним, так как только что принял лекарство. Тогда они набросились на него, ударили его булавами, разорвали на нем рубашку и выставили его на солнце.

1/.....Т.11,р.578,579./...../
2/См.....,стр.220/каир.изд/.

От сильной жары он то поднимал одну ногу, то опускал другую, они же били его по лицу, которое он защищал рукой, а затем заперли его в комнату, заколотили ее дверь /и держали его там до тех пор/ пока он не умер"¹.

Такое обращение с названным халифом не было исключением, наоборот, исключением являлись случаи, когда грубые и алчные преторианцы обращались более или менее хорошо со своими жалкими креатурами, на которых они смотрели, по словам выше названного историка, "как на своих пленных, которых они по своему капризу щадили или низлагали, или убивали"². Турок нельзя строго в данном случае судить, ибо, правду сказать, за редкими исключениями все эти аббасидские халифы, занимавшие престол Мансура со второй половины IX в. и до самого падения династии в начале второй половины XIII /1258/, представляли из себя жалких, выродившихся пигмеев, занятых почти исключительно своим гаремом, чревоугодием и мелкими интрижками самого невысокого качества. Замечание ибн-Тактаки о халифе Муктадире /908-932/, что "его халифатство было полно смут и внутренних неурядиц, так как халиф подпал под влияние своей матери, своих жен и прислуги", и что "государство при нем управлялось женщинами и придворной челядью, ибо сам халиф был занят все время своими удовольствиями", может в одинаковой степени относиться к большинству аббасидов вышеуказанного периода.

Здесь не место объяснять, как дошли до такого падения потомки жестоких, но весьма талантливых и энергичных Мансура, Харуна и Ма'муна, и какую роль играли в этом падении турки,

находившиеся на службе у аббасидов. Для нашей цели достаточно заметить, что даже современники события были неодинакового мнения о роли турок-преторианцев при аббасидах, и в то время, как одни обвиняли их во всех семи грехах и видели в них весь корень зла, другие во всем обвиняли самих халифов и тогдашнее общество.

Судя по тому, что одному из лучших писателей того времени, ал-Джахизу /+869/, пришлось написать целый трактат о "хороших качествах" /...../ турок, в котором он всячески доказывал пользу турецких наемных солдат для халифата и подчеркивал их редкие военные качества, можно думать, что уже в это время, в первой половине IX в., раздавались голоса против турок и их бесконтрольного хозяйничанья в халифате и что в это уже время были лица, которые с неудовольствием смотрели на быстрое возвышение турок при аббасидском дворе и на захват ими власти как в самой столице, так и в провинциях обширного еще халифата.

Умного и дальнозоркого Джахиза крайне беспокоят начавшиеся на почве национального антагонизма недоразумения между двумя сильными элементами халифата, считавшимися главными его опорами, и он пишет целую книгу с тем, чтобы "объединить сердца там, где они разошлись, и усилить дружбу там, где она уже существует"¹.

Для этого Джахиз, помимо религиозных, психологических и историко-этнических соображений, говорящих в пользу братства и единства интересов главных мусульманских народов, делает попытку дать по возможности полную и верную характеристику турецкого народа на основании как своих личных

наблюдений, так и мнению лиц, близко знавших турок не в Багдаде или Басре, а на их собственной родине. Проявленные при этом Джахизом объективность и полное беспристрастие в оценке народа, отдельные представители которого в столице халифата успели возбудить против себя общественное мнение, заслуживают всякой похвалы, ибо нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы идти против общего течения.

"Я желал бы, - говорит он /стр. 22/- держаться золотой середины и справедливою направлением: не очень хвалить одних и не очень порицать других... Поэтому я заявляю, что если нельзя говорить о хороших качествах турок без того, чтобы не порицать другое войско /войско, состоявшее из не турок/, то лучше ни о ком не говорить и правильнее отказаться от составления этой книги"¹.

Сообразно с той целью, которую поставил себе Джахиз в своей книге, - защитить турок, находившихся на службе халифов, от нападков со стороны как арабских частей халифской армии, так и националистически настроенных кругов в Багдаде и других городах халифата, он главное свое внимание обращает на военные качества турецкого народа и преторианских турецких войск в общей жизни халифата. Джахиз открыто заявляет, что турки сделались "материей ислама" и его отборным войском, а для халифов - защитой и прибежищем².

В другом месте своего трактата,³ говоря о турках вообще, а не об одних преторианских войсках, или, как тогда их называли, мамлюках, Джахиз дает следующую лестную характеристику названному народу: "Турки не знают ни лести,

¹/.....

²/См. стр. 39-40.

ни обмана, ни коварства, ни интриг, ни проницательности, ни клеветы, ни лицемерия, ни высокомерия перед своими господами, ни несправедливости по отношению к другим классам /...../."

Особенно высоко ценит Джахиз в турках их честность и верность данному слову. Эта последняя черта резко, повидимому, бросалась в глаза в эту эпоху вероломства, предательства и общего упадка нравственности. Что Джахиз, в данном случае, нисколько не преувеличивает и не кривит совестью по каким-либо посторонним соображениям, ¹ это видно из слов другого, не менее беспристрастного лица, известного историка Табари¹, который со слов других лиц влагает в уста Мухаммеду следующие слова: "Бог разделил верность слову на десять частей, из коих девять частей он отдал туркам, остальную часть - другим людям; точно также он разделил скупость на десять частей, из коих девятью частями он наделил персов, а десятой частью-остальных людей"².

Самое собой понятно, что Мухаммед никогда таких сентенций не изрекал, но в данном случае не это важно, а важно самое содержание сентенции; что касается ссылки на пророка, то это являлось в данное время своего рода литературным приемом, к которому часто прибегали представители самых противоположных политических, религиозных и общественных течений для подкрепления своих точек зрения³.

В хадиской литературе того времени приводится масса других изречений, относящихся к туркам, и все они приписываются пророку. Кто выдумывал эти хадисы и пускал их в оборот,

¹/....., 25-14.

²/См. И. Голдзигер, Лекция по исламу, 45, 49.

³/См. 49; аналогичное предание приписывается Моавии, который якобы сказал: "не будите лежащих и не трогайте их, пока они вас не трогают: турок и аббисинцев. Слово "турок" в этом хадисе было прибавлено, по всей вероятности, позднее, в эпоху усиления турецкого влияния в халифате. См., - 70.

когда и с какой целью они изобретались, ⁴ это не трудно видеть из самого их содержания. Приведу наиболее характерные, с точки зрения занимающих нас вопросов, хадисы: "Передают от пророка, что он сказал: "Оставьте турок /в покое/, пока они вас не трогают", и от халифа Омара: "Эти /турки/ такой народ, с которым много возни и от которого мало добычи"¹.

Эти два предания впервые мы встречаем, насколько я знаю, у Джахиза /+869/. Махмуд Кашгарский, писатель XI в., приводит другое предание о турках, полученное им от бухарских и нишапурских имамов и возводимое также к Мухаммеду, который, коснувшись вопроса об "условиях последнего часа" и смутах, имеющих наступить перед концом света, будто бы сказал: "Изучайте язык турок, ибо их царство будет продолжительным"².

В связи с вопросом о "последнем часе" стоит другое предание, приписываемое абу-Хураире; оно гласит: "До тех пор не наступит "час"/...../, пока не появятся люди с широкими лицами, маленькими глазами, приплюснутыми носами, которые привяжут своих коней у берега Тигра"³.

У того же писателя, Якута Хамави /+1229/, приводятся и два следующих предания, которые можно отнести к тому же циклу и происхождение которых и даже место происхождения понятны само собой. Первое предание гласит: "Турки-первые, кто отнимет у моего народа то, что ему дано /власть/". В сущности, та же мысль, но в других словах, выражается и во втором предании, которое приписывается так же Мухаммеду.

1/.....

2/.....

3/.....

"Власть, сказал будто бы он, останется в моем потомстве до тех пор, пока над ним не возьмут верх краснолицыне, у которых лица напоминают расплющенные /плоские?/...../ щиты"¹.

Не трудно, конечно, догадаться, что все приведенные нами предания появились в то время, когда власть в халифате фактически перешла в руки турок-преторианцев, или сельджуков, + безразлично. Что касается места их фабрикации, то, надо думать, оно было не одно: последние два могли появиться в западной части халифата - в Багдаде или в Басре, и, стало быть, были изобретены арабами, тогда как первые, по всей вероятности, возникли в Средней Азии и принадлежат туркам, мощь и значение которых в халифате они и констатируют своим своеобразным языком. Что действительно в Средней Азии, Бухаре, Хиве и т.д., Хадисы фабриковались в большом количестве в эту эпоху, - с половины IX в. по половину XI в., - это видно из слов Махмуда Кашгарского, который, приведя со слов бухарских имамов вышеупомянутое предание о необходимости изучать турецкий язык, сопровождает его следующими словами: "если это предание достоверно, - ответственность падает на них /мулл/, - то изучение его /турецкого языка/ является обязательным/...../, если же нет, то этого требует здравый смысл"². О том же свидетельствует, но более определенно, другой, не менее известный писатель, абу Са'д Сам'ани /+1167/, автор "Книги генеологии" /...../, где на странице 472 мы читаем: "Одним из видных ученых, происходивших из Кашгара, был абу Абдаллах ал Хусаин Кашгарский, который слыл почтенным старцем/...../,"

1/.....

2/.....

проповедником, аскетом, хотя большинство передаваемых им преданий не заслуживает никакого доверия /...../. Он написал много сочинений по хадису, числом, быть может, более ста двадцати, но большинство их не пользуется никаким доверием". Несколькими строками ниже, говоря о сыне вышеупомянутого кашгарского ученого, Самани снова подчеркивает, что первый "был авторитетом в хадисе, правдивым, во многом лучше своего отца, который такими качествами не отличался".

Повидимому, вышеупомянутый кашгарский старец был большим патриотом и ярким националистом, который охотно брался поставлять своим землякам ложные предания, выстав-ляющие их в лучшем свете.

Если теперь принять во внимание, что Хусаин Кашгарский был современником /он умер в 1091г./ и земляком Махмуда Кашгарского, то не трудно догадаться, откуда этот последний черпал те националистического характера предания, которые мы встречаем у него. Впрочем, у Махмуда мы находим и прямое указание на его зависимость в данном вопросе от страца Хусаина.

Так, на стр.293-294 первого тома его „Дивана“ мы читаем: „Мы сказали, что сам бог назвал турок этим именем на основании того, что нам сообщил старец, имам и аскет Хусайн ибн-Халафа Кашгарский, который, со слов....., передает, что посланник божий сказал: „Бог великий и всесильный говорит: „у меня есть войско, которому я дал имя"турки" и который я посла на восток; если я прогневаюсь на какой-нибудь народ, я подчиняю его ему!“

Теперь возникает вопрос: с какой целью придумывались турками такие и подобные им предания? Вызывались ли они тем националистическим, антиарабским движением, известным под названием Шуубия¹, которое охватило халифат во II и III в.в. мусульманской эры и которое было направлено против заносчивости арабов и стремилось установить, хотя бы в теории, равенство всех мусульманских народов между собой, или они просто хотели объяснить и оправдать тогдашнее политическое положение вещей? Здесь возможны и то и другое толкования. Мы склонны думать, что в начале, т.е. в первой половине IX ст. турки не участвовали в шуубитском движении, которое носило исключительно литературный характер; иначе трудно объяснить, почему Джахиз, так мужественно боровшийся в своих сочинениях с представителями шуубитского движения — персами, набатеями и др., — не только нигде не упоминает о турках — шуубитах, но, наоборот, посвящает турецкому народу, как мы уже видели, целую хвалебную книгу, где он их превозносит до небес и ставит чуть ли не выше своего собственного народа. Конечно, шуубитскими тенденциями турки могли заразиться и после Джахиза, в период обострения взаимоотношений между ними и арабами, но едва ли это имело место: ведь шуубитское движение было своего рода протестом против угнетения инородцев и презрительного и высокомерного к ним отношения со стороны арабов, чего мы не видим в их отношениях к туркам в эту эпоху.

¹/См. об этом движении, I, 147-177.

Мало того, в эпоху расцвета шуубитской литературы и усиления шуубитского движения скорее мы видим нечто противополо^жное: не арабы угнетают и презирают турок, а, скорее, наоборот, ибо, как мы уже видели, фактически власть находилась в руках турок, и не только в Багдаде, но и в Египте и в значительной части халифата. Из этого следует, что на приведенные хадисы, в которых прославляются турки, как, скажем, и на отдельные места в „Диване“ Махмуда Кашгарского /1 т., 2-3, 294/, нужно смотреть, как на признаки пробуждения у турок здорового национального чувства, особенно усилившегося после занятия Багдада Сельджуками и подчинения большей части бывшего халифата этой турецкой династии.

Переход власти в руки турок-Сельджуков в первой половине XI в. имеет громадное значение в истории как самого халифата, так и самих турок: он начинается собой новую эру в истории не только ближнего Востока, но всего мусульманского мира вообще: отныне и до последнего сравнительно времени вершителями судеб всего мусульманского Востока, включая сюда Египет и даже северную Африку, становится турецкая нация. Арабы и персы, игравшие до этого времени первую роль в истории мусульманского Востока, истощенные взаимной, более чем двухвековой борьбой, отходят на второй план, уступая свое место более молодой и воинственной нации, на долю которой выпала трудная, но почетная задача—объединить распавшиеся части халифата, вдохнуть в них новую жизнь, с тем, чтобы общими объединенными силами дать отпор новой опасности, надвинувшейся на мусульманский мир на этот раз с Запада. Задачу эту

турки-Сельджуки выполнили блестяще. Благодарные современники, в том числе и багдадские халифы, смотрели на Сельджуков, как на спасителей ислама и мусульманских земель от порабощения, и днем и ночью молились за сельджукских султанов. Чем крепче становилось могущество Сельджуков и чем дальше распространялась их власть, тем сильнее чувствовалась подвластными им народами необходимость ближе присмотреться к ним и изучить их быт и язык, без знания которого нельзя было теперь занять видную должность или играть заметную роль в государстве. Это вполне правильно отметил уже Махмуд Кашгарский в своем "Диване", где он, между прочим, говорит, что "самое лучшее, что может сделать благоразумный человек, чтобы предохранить себя от их /турок/ стрел, - это говорить на их языке, ибо охотно они будут тогда слушать его и скорее он вызовет расположение к себе. Изучив их язык, он станет как бы одним из них и тем самым окажется вне опасности" /1,3/.

С другой стороны, дикие еще сравнительно орды Сельджуков, подчинив себе ближневосточные мусульманские и, отчасти, христианские страны, скоро подпадают под сильное культурное влияние их жителей и жадно воспринимают плоды их долгой, напряженной и коллективной умственной работы. Для этого пришлось им прежде всего изучить языки тогдашней мусульманской культуры - арабский и персидский, но в особенности первый, который считался тогда языком всего мира /мусульманского/, подобно тому, как на западе таковым считался в это время латинский.

Таким образом, силой исторически сложившихся обстоятельств оба народа - арабы и турки-идут друг другу на встречу: одни

изучают государственный язык — турецкий, а другие культурно-религиозный-арабский, чем продолжается начатое уже давно, еще при Омайядах, взаимное сближение двух вышеупомянутых народов.

Нашествия монголов в XIII и XIV в.в. и образование ими сильного и обширного государства не только не ослабили этого сближения, но, скорее, усилили его. Дело в том, что, во-первых, значительная часть монгольской армии состояла из турок-мусульман /особенно при втором нашествии/ и, во-вторых, при дворах разных монгольских ханов официальным языком считался, наряду с монгольским, и турецкий. Со временем этот последний окончательно вытеснил из государственных канцелярии и повседневной жизни монгольский язык и снова сделался государственным языком, на котором говорили и переписывались между собой ханы, ильханы, мамалюкские султаны, ханы Золотой Орды и т.д., когда не хотели пользоваться арабским языком, который также хорошо знали в канцеляриях вышеупомянутых ханов и султанов, как это видно хотя бы из очень оживленной переписки, которая велась между египетскими султанами и кипчакскими ханами Золотой Орды¹.

В Александрию и Каир чуть-ли не ежегодно приезжали из Золотой орды с богатыми подарками от тамошних ханов с целью склонить египетских мамлюков на сторону золотоордынских ханов против их сородичей-хулагуидов в Персии, оспаривавших у первых северную часть прикаспийских областей /Ширван и др./. Со своей стороны египетские султаны, исходя из тех же военно-политических соображений: защиты своих владений в Сирии и южной части Малой Азии от тех же хулагуидов, отвечали золотоордынским ханам тем же.

¹/См. эту переписку у бар. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. С.П.Б., 1884.

В состав этих официальных посольств входили нередко представители науки, которые пользовались этими удобными случаями, чтобы пополнить свои познания и удовлетворить свою ученую любознательность. Особенно много таких лиц турецкого происхождения можно было встретить в Каире теперь, после разрушения монголами двух центров мусульманской культуры — Багдада и Хорезма, ибо один только Египет сумел отстоять свою независимость от монгольских полчищ, а вместе с ней и те культурные ценности, которыми он всегда был богат. Кроме того, многие турки, спасаясь от преследования монголов, бежали в Египет, где мамлюки их принимали с распростертыми объятиями, давали им лучшие места как в армии, так и в других диванах. Многие из этих турок и их потомков играли в стране фараонов заметную роль и на культурно-просветительном поприще в качестве литераторов, высокопоставленных чиновников, директоров школ¹ и т.д.

Усиленный приток турецкого элемента в Египет и другие страны Ближнего Востока продолжается и после падения первого монгольского государства, ибо много турок осталось в этих странах и от второй монгольской волны — тимуридской. Правда, Египет не был наводнен и, стало быть, опустошен второй монгольской войной; однако в состав тимурской империи он вошел и власть Тимура над собой признал.

В начале XV в. не только Египет, но и многие части бывшего халифата вошли в состав новой турецкой империи — османской с тем, чтобы оставаться под ее властью и жить с ней общей жизнью вплоть до последней войны.

¹/См. П. Мелиоранский, Араб-филолог о турецком языке. УП-УШ СПб. 1900.

Таким образом, в течение почти десяти веков фактическими хозяевами стран Ближнего Востока были турки, и, следовательно, государственным языком в этих странах был турецкий.

Но мы видели, что сближение между двумя народами - арабами и турками - началось еще раньше перехода власти на Востоке в руки Турок. Такое продолжительное время общей, совместной жизни, постоянных, ежедневных столкновении не могло, конечно, не содействовать взаимному сближению этих двух народов, связавшихся к тому же за это продолжительное время разными узами духовного и физического родства. Самым важным **последствием** этого сближения нужно считать, по нашему мнению, завоевание для ислама молодого, жизнеспособного и воинственного народа, которому, как мы уже выше сказали, выпала на долю честь спасти одряхлевший халифат от гибели, снова сплотить его и вдохнуть в него новую жизнь как раз в тот момент, когда грозные полчища западных крестоносцев собирались двинуться на мусульманский Восток, чтобы освободить его от "неверных". Турки приняли на себя первые удары крестоносцев и, после долгой ожесточенной борьбы, отстояли угрожаемую часть халифата от них. В этом их заслуга перед мусульманским миром, в этом отчасти их историческая миссия.

Не менее важным результатом сближения двух вышеупомянутых народов нужно признать приобщение разных турецких племен средней Азии и Кавказа к общемусульманской культуре, которая в это время - время вступления турецкого народа в мусульманскую культурную семью - занимала бесспорно первое место среди культур старого света. Отныне рядом с арабами и персами,

являвшимися до этого времени единственным носителями культуры на Ближнем Востоке среди мусульманских народов, начинают работать на культурной ниве и представители третьей нации - турки. Как рано началась их работа на этом поприще и каков был их вклад в общемусульманскую сокровищницу - трудно в точности сказать: этому мешают как быстрое смешение рас в исламе, так и все нивелирующий характер последнего, который, подобно средневековому католичеству, стремится создать внеэтническое или наднациональное государство и культуру, ставя во главе угла не национальность, а единство религии. Поэтому вопрос о национальности многих мусульманских писателей и общественных деятелей первых веков ислама остается и до сих пор нерешенным, как и аналогичный вопрос в истории католического средневековья. Тем не менее, на основании тех немногих беспорочных данных, какие у нас имеются по данному вопросу, мы можем определенно сказать, что не прошло и ста лет со времени покорения арабами турецких земель и распространения среди ее обитателей новой религии с ее своеобразной культурой, как турки начали принимать в ней живое участие наравне со своими более культурными собратьями по религии - арабами и персами.

С турками, как мы видим, произошло то же самое, что десять веков до этого случилось с галлами, которые, спустя также столет после своего покорения римлянами, начали поставлять дряхлевшему Риму ораторов, писателей и ученых. Правда, турки не потеряли, подобно галлам, родного языка под давлением государственного арабского языка и ислама, но это могло и, пожалуй, должно было случиться, если бы арабская власть

в турецких землях не была так непродолжительна и если бы она не руководилась другими государственными принципами. Что это так — доказательством может служить тот факт, что все турецкие ученые, писавшие до Хв. и даже несколько позднее, писали исключительно на арабском языке. В пользу того же мнения может говорить и то количество арабских слов, которое вошло в состав разных турецких наречий и тем помешало их дальнейшему развитию.

К самым ранним научным работам на арабском языке, написанным бесспорно турками, нужно отнести работы известного философа абу-Насра и ал-Фараби /+950-951/, прозванного позднейшими мусульманами "вторым Аристотелем" и "бесспорным философом ислама"¹.

По словам ибн-Халликана², ал-Фараби "никогда не расставался со своим турецким костюмом", даже на чужбине, в Багдаде и Дамаске, где он долго жил и работал. Здесь не место говорить о значении его трудов по мусульманской философии и теории восточной музыки; достаточно только заметить, что все позднейшие мусульманские философы, в том числе и знаменитый ибн-Сина /Авицена/, широко пользовались его трудами и во многом находились под влиянием впервые выработанной им философской системы.

Почти одновременно с ал-Фараби жили и работали его земляки — известные филологи, абу-Ибрахим Исхак ал-Фараби /+961/, автор нескольких трактатов по арабской филологии,³ и его племянник, абу Наср Измаил ал-Джаухари /+1002/, автор

¹/См. биографию и изложение философской системы ал-Фараби в моей статье, в №6.....изд. НКП Азербайджана.

²/См.....кн. УШ, 72.

многочисленных трудов по арабской же филологии¹, в том числе и известного арабского словаря....., не потерявшего своего значения и до последнего времени.

То, что все вышеупомянутые авторы были родом из Фараба /будущего Отрара/, показывает, что этот город Средней Азии очень рано сделался культурным центром для турок. Следует также отметить, что все упомянутые нами ученые-турки интересовались главным образом гуманитарными науками - философией и филологией, что может быть объяснено как господствовавшими в то время в мусульманском мире научными интересами, так, мне думается, и национальными наклонностями.

Этими, вероятно, двумя факторами в связи с пробуждением в это время национального самосознания у турок и объясняется появление во второй половине XI века редкого по своей ценности и единственного в своем роде колоссального труда Махмуда Кашгарского:/...../, которому посвящается эта статья.

.....¹

Проф. П.К.Жузе.

„Диван“ Махмуда Кашгарского, хотя и появился в начале второй половин^е X¹ в., когда арабская филология и, ^в частности, лексикология достигли уже высокого развития и насчитывали десятки и даже сотни видных имен /как, например, Халиль, Сибавайхи, Кутруб, абу-Убаида, Джавхари, абу-Заид ал-Ансари, ал-Асмаи, ал-Мубаррад, ал-Кисаи, ибн-Дураид, ас-Сиккит, ал-Анбари, ал-Харави, ибн-Джанны и многие другие/; однако он не мог рассчитывать на большой круг читателей. Дело в том, что, будучи написан на классическом арабском языке, „Диван“ мог быть доступен только тем образованным туркам, которые владели этим языком и интересовались серьезными филологическими изысканиями в области родного языка, а таких лиц всегда было мало, не искающая и X¹ в. Что это действительно так, это видно, между прочим, из того, что „Диван“ Махмуда не нашел себе подражателей среди образованных турок-мусульман средневековья. Правда, значительно позднее появились разные:

..... Джалал-уд-Дина ибн-Муханна/X¹Ув./

2/..... 3/.....4/..... Абу Хаййана/X¹Ув./

5/..... Зейнуддин ал-Аини/конец X¹Ув./ и некоторые другие

..... или..... того или другого турецкого языка. Но, во-

первых, эти и подобные им сочинения начали появлять^ся не раньше конца XIII в. и начала X¹Ув., т.е. спустя 250-300 лет

после появ^ления в свет сочинения кашгарского ученого; во-

вторых, все или почти все вышеперечисленные сочи^нения

преследуют чисто практические задачи: дать читателю из

¹/См. „Изв. вост. ф. АН УЗСР Востоковедение“. т. 1.

арабов краткую грамматику того или другого турецкого языка или практическое руководство - - по изучению одного из турецких говоров; трудов же по сравнительной грамматике турецкого языка или по составлению обще-турецкого словаря, которые можно было бы поставить рядом с „Диваном“ Махмуда Кашгарского, мы не знаем. Такого труда не дали, да и не могли дать, арабские филологи, так как они, насколько мы знаем, не интересовались в эпоху рассвета арабской культуры сравнительным языкознанием и вообще изучением чужих языков, ибо все или почти ^{все} учёные-не-арабы писали тогда по-арабски, и, стало бы, арабы особой нужды в изучении иностранных языков не чувствовали; позднее же, когда такая нужда появилась, они ее удовлетворяли краткими грамматическими руководствами; других же, более глубоких побуждений к научному изучению турецких, скажем, или иранских языков, какие были /побужд./ по отношению к арабскому языку, у них не было.

Из этого следует, что появление высоко-научного труда Махмуда Кашгарского в XI в. не вызывалось научными интересами той среды, в которой жил его автор, ни тем более практическими: труд Махмуда есть плод научной любознательности его автора, пробужденной и поддержанной его знакомством с аналогичными трудами арабских филологов и, в частности, со словарем ал-Халиля, как об этом говорит и сам Махмуд¹. Другими словами, это значит, что появление „Дивана“ Махмуда в далекой от культурных центров тогдашнего мусульманского мира + Кашгарии было неожиданным для его современников-турок, интересовавшихся исключительно вопросами религии и юриспруденции, но не чистой наукой.

Этим и только, я думаю, этим нужно объяснить и тот странный факт, что ни „Диван“, ни автор „Дивана“ не были замечены не только современниками, но и позднейшими писателями-энциклопедистами, библио- и биографами. Даже такой биограф, как Самани, абу Саид /+1113/, посвятивший в своём..... почти две страницы /470-472/ перечислению почти никому неизвестных писателей, между прочим, и писателям Х'в., из Кашгарии и сотни страниц другим, еще менее известным писателям Средней Азии, не нашёл нужным хоть несколькими словами обмолвиться о „Диване“ или его авторе, которому принадлежали, как видно из дивана, и другие ценные труды по туркологии¹, и только у позднейшего турецкого библиографа, известного Хаджи Халифа /1657/, мы находим весьма краткое известие о „Диване“, но не о самом авторе „Дивана“.

Из этого ясно, что Махмуда Кашгарского, автора лучшего произведения по турецкой лексикологии и турецкой грамматике и синтаксису, основательно позабыли турецкие и арабские библиографы мусульманского средневековья, или, быть может, и совсем даже не знали. В пользу последнего мнения говорит и тот факт, что, кроме той рукописи, снятой, кстати сказать, с автографа, по которой был издан „Диван“ в Константинополе в 1913-1995 г., других до сих пор не удалось найти, из чего следует, что произведений Махмуда никто, или почти никто не читал, что отчасти понятно из всего выказанного.

■ так, как автора самого крупного произведения древне-турецкой письменности, так и самого произведения мусульм. писатели, к крайнему нашему удивлению, не заметили. Тем более

¹/ 1, 24. Я разумею его ценный труд по сравнительной грамматике турецких языков, озаглавленный, но не дошедший, к сожалению, до нас.

поэтому мы должны дорожить теми немногими сведениями о них, какие мы находим в самом Диване.

Не подлежит, повидимому, сомнению, что автор..... был действительно Махмуд ибн Хусайн-ибн Мухаммед, как об этом неоднократно говорится в самом Диване /I, 2, 57, 102, 280; III, 332/ и как о том свидетельствует автор..... /I, 5, 20 конст. изд./ Несомненно также, что родом Махмуд был действительно из Кашгарии, как о том говорят те же источники. Последнее обстоятельство подтверждается, между прочим, и тем, что Махмуд обнаруживает в своем Диване прекрасное знакомство с выше-названной страной: он знает не только главные города Кашгарии, но и многие селения, озёра, долины, горы, ущелья, подёмы, пески, эйлаги, кишлаги и т.д. и т.д. /I, 93, 61, 87; III, 118, 99; I, 331, 336; 364; III, 89; I, 312, 317; III, 20; I, 76, 76 и др./.

Далее, говоря о некоторых селениях и эйлагах Кашгарии, Махмуд замечает, что они "принадлежат нам", т.е. его семье /I, 61/. Говоря о городе Барсгане, что в Кашгарии, автор сообщает, что это было родиной "отца Махмуда" /III, 308:...../. Был ли сам Махмуд родом из того же города или он родился в самом Кашгаре, как указывает на это его нисба, — трудно сказать на основании только вышеприведённой, довольно неопределённой фразы, а других сведений, к сожалению, нет.

Наконец, происхождение Махмуда именно из Кашгарии подтверждается его категорическим заявлением, что он "потомок того князя /...../, который завоевал страну турок у Саманидов" /I, 102/, или, другими словами, он был потомком илек-хана Насра ибн Али /+1012-1013/, который в 999 л. отнял всю

Среднюю Азию /Мавараннахр/ у Саманидов и основал новую династию Караханидов, или илек-ханов, со столицей в Кашгаре. Высокое происхождение нашего автора находит себе подтверждение в другом месте „Дивана“ /1,3/, где Махмуд свидетельствует о себе, что „он самого благородного происхождения из турок вообще/..../“ О том же говорит и прекрасное знакомство М. с придворной жизнью, обычаями, речью и другими порядками той же жизни.

Высокое происхождение дало Махмуду возможность получить блестящее для того времени образование, о чём свидетельствует всё содержание его „Дивана“. На основании немногих намёков в „Диване“ и имея в виду некоторые примеры из жизни среднеазиатских турок того времени, мы можем думать, что как первоначальное, так и среднее образование Махмуд получил в Кашгаре, который при илек-ханах „стал не только административным, но и культурным центром всей области“¹.

Характер образования и воспитания в мусульманских школах того времени настолько известен, что едва ли нужно об этом здесь говорить, и Кашгар в этом отношении едва ли представлял какое-либо исключение: основательное изучение арабской грамматики и синтаксиса, мусульманской догматики и юриспруденции по общеизвестным учебникам, первые начала арифметики, изучение Корана и хадиса — вот в общих чертах программа преподавания почти во всех мусульманских школах среднего типа того времени. Преподавался ли родной язык и родные история и литература в школах Кашгара — трудно сказать; но, по всей вероятности, нет, т.к. ни из чего не видно, чтобы по этим предметам существовали к этому времени

¹/См. статью Б.В. Бартольда „.....“, в. 31, стр. 835.

подходящие пособия на турецком языке. Что касается тех исторических, географических и, в особенности, лингвистических познаний, какие обнаруживает Махмуд в своём „Диване“, то они были им приобретены позднее и, надо думать, не школьным путем.

По окончании среднего образования в родном городе, Махмуд, по примеру многих своих соотечественников, отправился для получения дальнейшего образования в Бухару и другие города Туркестана и северной Персии, о чём можно судить по некоторым намёкам в его „Диване“ /1,3/. В Бухаре, Нишапуре, Мерве и Персии вообще Махмуд мог лучше изучить хадис и начала мусульманской философии, чем у себя на родине; здесь же он изучил и персидский язык, но, повидимому, не очень основательно, т.к. он часто путает арабские, греческие и турецкие слова с персидскими и наоборот. /1,92,298; II,276; III,111,139/ или предлагает крайне фантастические этимологии /III,110;1,102 и др./.

Однако, полученное таким образом образование не могло удовлетворить любознательного кашгарца, и он, для довершения своего образования, отправился в тогдашний центр мусульманской культуры — Багдад, куда стекались с той же целью многие молодые и немолодые люди со всех концов мусульманского мира, в том числе и из турецких земель. Дорога в Багдад еще задолго до Махмуда была известна жаждущим знания и любознательным туркам, оставившим в общемусульманской культуре заметные следы. Таков величайший мусульманский философ абу-Наср ал-Фабари /+950г./, таковы известные филологи Исхак ал-Фабари /+961/, абу-Наср Измаил ал-Джаухари /+1002/ и многие

другие, прошедшие курс высших наук в столице Мансура. В Багдаде "ищущие знания" /.../ турки чувствовали себя как дома: они были окружены своими земляками, занимавшими целый квартал в городе¹, и вниманием тогдашних правителей страны, которые, начиная с IX в., почти сплошь состояли из одних турок.

Из биографии философа ал-Фараби мы узнаём, что даже чисто арабское правительство, каким считается правительство хамданидов в северной Сирии, охотно поддерживало турецких учёных, назначая им ежемесячное пособие из государственной казны².

Из той же биографии мы узнаём, что студенты-турки в Багдаде чувствовали себя свободно, ходили в своих национальных костюмах³, поддерживали постоянную связь со своей родиной и своими земляками и посещали те научные кружки, какие тогда существовали там. Жизнь в самом культурном и самом большом и интернациональном тогда городе и аккуратные посещения лекций самых выдающихся в то время учёных способствовали расширению умственного горизонта турецких аспирантов и действовали на них самым благотворным образом, чему доказательством могут служить вышеупомянутые турецкие учёные, в том числе и наш Махмуд Кашгарский. К сожалению, мы не можем сказать, когда прибыл Махмуд в Багдад, сколько лет он провёл там, кого из тогдашних багдадских знаменитостей он слушал и сколько было ему лет, когда он, окончив своё высшее образование, вернулся к себе домой, чтобы там, наконец, отдаться своим любимым занятиям.

1/См.....22,....12,15,19.....1,Тав.Ш, и др.

2/.....

3/.....

Одно несомненно: Махмуд в Багдаде получил блестящее для того времени образование, что подтверждается каждой страницей его „Дивана“. Из того же „Дивана“ видно также, что он особенно интересовался арабской литературой и филологией: постоянные ссылки на древних поэтов; Имру'ул - Кайса, Ашу, Зухайра, Зу - р-Румму и др. /1, 117, 282, 345; II, 126; III, 26 и др./, ссылки на редко употребляемые древне-арабские пословицы, точная передача значения турецких слов соответствующими арабскими, мало знакомыми даже образованному арабу, и некоторые особенности стиля убеждают нас в основательном знакомстве Махмуда с древне-арабской поэзией и его глубоким знании арабского языка. Местами /см. III, 160, 181/ чувствуется, что Махмуд щеголяет даже знанием тонкостей указанного языка и редких, малоупотребительных слов.

Такое знание обычно не даётся скоро и легко иностранцу, и поэтому мы склонны думать, что Махмуду пришлось для этого провести не мало лет в Багдаде.

Продолжительное пребывание в тогдашнем центре мусульманской культуры не только дало Махмуду богатые знания, но, надо думать, и определило навсегда его научный интерес, так что едва ли мы ошибёмся, если скажем, что решение посвятить себя изучению родной литературы и родного языка зародилось у Махмуда и укрепилось в нём именно в Багдаде под влиянием, главным образом, пройденных там соответственных курсов. Как видно из „Дивана“ /1, 2, 5/, у Махмуда были и другие, национально-политические, соображения¹, которые, повидимому, не остались

¹/См. нашу статью в №1 жур. „Востоковедение“, изд. при Азгос. Университете.

также без влияния на выбранную им специальность: ему хотелось кому-то показать, что и турецкие языки нис^{ко}лько не уступают арабскому по богатс^тву и выразительности".

Побуждаемый как чисто научными интересами, так и патристическими чувствами, Махмуд начал сер^ьёзно готовиться к выполнению поставленной себе задачи — составлению обще^турецкого словаря и сравнительной грамматики турецких наречий. С этой целью Махмуд предпринимает крайне тяжёлую для того времени и продолжительную поездку по широко раскинувшимся турецким землям, объезжает их города и степи¹ и собирает "слова и стихи у турок /караханидов/, турменов —Огузов, Джигилей, Ягмы и Киргизов; он внимательно прислушивается к их речи, подмечает фонетические, словарные и грамматические различия между отдельными наречиями и тщательно записывает всё, что относится к их истории, мифологии, фольклору и т.д.

Сколько времени потра^тил Махмуд на эту подготовительную работу — точно он не указывает; но, повидимому, на это ушло не~~мало~~ лет и не~~мало~~ трудов, как можно заключить из следующей фразы /1,4/:

Вернувшись с богатым материалом домой, в Кашгар, Махмуд принялся горячо за свою работу. Как узнаём из самого „Дивана“, автору его пришлось "четыре раза исправлять, дополнять и переписывать" своё произведение, на что ушло два года с лишним /III,333/, как о том свидетельствует некий Мухаммед ибн абу-Бакр ибн абу-Фатх ас-Сави ад-Димашки, по единственной рукописи которого, датированной Воскресением 27 Шавваля 664г.=1258/ было сделано константинопольское издание 1913г.

¹/См. 1,3.

По словам выше упомянутого лица, в конце автографа, с которого он списал свою рукопись в 1258г., стояли следующие слова¹; "составление /этой книги/ было начато 1-го Джумады Первой /4/64г. и окончено, после четырехкратного исправления, приведения в порядок и переписывания, в понедельник, 10-го Джумады Второй /4/66г." /=11 февраля 1074г./.

Таким образом, капитальный труд Махмуда Кашгарского был окончен в 1074 году в халифатство ал-Ка'има /1031-75/, но был посвящен не этому халифу, а его преемнику ал-Муктади /Абдуллаху ибн-Мухаммеду/, правившему с 1075-1095г., может быть, потому, что, когда Махмуд вторично посетил Багдад, чтобы лично преподнести свой труд "священной особе" халифа всех правоверных мусульман, халифом уже был ал-Муктади. Решение посвятить свой многолетний труд такой высокой особе^е могло быть продиктовано как глубоким, чисто сыновним, уважением к главе мусульманского мира, так^и крайне высоким ^кмнением Махмуда о своём труде. О том, что Махмуд действительно был очень высокого мнения о своём "Диване", говорят следующие слова /1,6/: "Я выступил с сочинением, не имеющим себе равного". "Книга моя, - говорит Махмуд в другом месте /1,7/, - достигла высшей степени совершенства и высшей точки изящества". "Я изучил, - заявляет наш автор в третьем месте /1,3/, - язык каждого /турецкого/ племени в совершенстве и составил лучшую книгу как по содержанию, так и по форме".

Насколько эти, довольно-таки нескромные с нашей точки зрения, но обычные в устах современников Махмуда, заявления

¹/См. III, 332-333. В другом месте Дивана /1,290/ годы даются те же самые, но месяц, в который была написана книга, другой, а именно Мухаррам.

соответствуют действительности — покажет следующий краткий анализ содержания „Дивана“.

Ш.

В предисловии к своему „Дивану“ Махмуд Кашгарский сообщает нам /1,5/, что одно время он думал, по образцу известного арабского словаря....., собранного известным филологом и первым автором арабской просодии, ал-Халилем, составить такой словарь, куда бы вошли все турецкие слова, как бывшие в употреблении в его время, так и вышедшие из употребления; но по некоторым соображениям — ради краткости и удобства — он отказался от своего первоначального намерения и решил ограничиться внесением в свой „Диван“ только живых слов общетурец. языка.

Такое решение могло бы несколько обесценить работу учёного-кашгарца и вызвать наше крайнее сожаление, если бы Махмуд под словом...../ =вышедшее из употребления слово/ не подразумевал нечто совершенно другое, чем мы привыкли понимать под этим словом: из дальнейших слов выясняется, что под..... Махмуд подразумевает такие слова, которые на самом деле никогда ни в одном турецком языке не существовали. Дело в том, что Махмуд, находясь всё время под влиянием арабского языка и принятой у арабских лексикографов системы расположения слов в словарях, вообразил, что, переставляя согласные, по преимуществу, звуки в любом турецком слове, мы получим — по примеру арабского языка/...../ — целую группу слов, из коих одни будто бы вышли из употребления, а другие продолжают еще употребляться. В качестве примера Махмуд приводит, между прочим, слово, из которого путём переставления отдельных

слогов получаются / =стойло/, ... / =снег/, ... / =чёрный/,
и — неупотребительное слово. Говорить о том, что
последнее слово никогда не существовало ни в одном турецком
языке, конечно, не приходится, как не приходится говорить и
о полной абсурдности такого словопроизводства, и мы должны
радоваться, что таких "слов" Махмуд действительно не внёс
в свой словарь. Повидимому, нечто другое разумел автор "Дивана"
под словом на странице 10-11 того же тома: здесь, на-
сколько можно понять нашего автора, под словом, которого^е
он тоже не включает в словарь, подразумеваются слова /сущест-
вительные, прилагательные, причастия и т.д./, которые, по
известным правилам, легко можно производить из данного корня.
Сюда же нужно отнести и то, о чём Махмуд говорит и на 36 стр.
первого тома. Если так, то исключение и этой категории слов
из "Дивана турецких языков" несколько делу^у не вредит и нимало
не умаляет значения труда Махмуда. Но есть третья категория
слов, сознательное игнорирование которых Махмудом не могло
не отразиться вредно на полноте его работы. Частью по
практическим соображениям, частью по религиозным и научным
предубеждениям Махмуд не внёс в "Диван" такого материала, кото-
рый должен был бы иметь место в нём. Так, например, Махмуд
сообщает нам /1, 26-27/, что он ... не включил в свой "Диван"
названий, ... за редкими исключениями, ..., гор, степей,
долин, рек и источников, находящихся в землях турок-язычников,
удовольствовавшись внесением лишь тех, которые находятся в
мусульманских странах и, стало быть, более или менее известны
всем. Свой выбор он мотивирует, с одной стороны^ы, тем, что

новые названия редко употребляются /777/, а, с другой, отсутствием пользы от их приведения /777?./.. Также и, повидимому, по тем же мотивам он поступил как с иностранными словами, вошедшими в состав турецких наречий, так и с собственными именами "мужчин и женщин". Наконец, ^Утоже самое он повторяет в другом месте /1,291/ по отношению к названиям месяцев и недельных дней, которые он не считает нужным привести, так как они в его время были якобы вытеснены арабскими названиями. Согласиться с такой мотивировкой мы, конечно, не можем, и нам остаётся утешаться тем, что всё, пропущенное Махмудом, не относится непосредственно к словарному материалу и может быть восстановлено на основании других источников.

Что касается словарного материала в тесном смысле этого слова, то, повидимому, всё, что было тогда известно Махмуду, попало в его "Диван". Говоря так, мы не думаем, конечно, утверждать, как можно было бы это сделать на основании некоторых намёков автора /1,3/, что в "Диван" попали все слова, бывшие в ходу у тех турецких племён, которые Махмуд посетил в середине XI в. На такую полноту не может претендовать даже такой многотомный словарь, как "Опыт словаря турецких наречий" Махмуда XII в., покойного академика В.В. Радлова, располагавшего и большим матери^алом и другими научными средствами.

Ближайшее знаком^тство с работой Махмуда убеждает нас в том, что в его "Диване" мы имее^м главным образом и преимущественно почти полное собрание слов северо-восточных племён, входивших тогда в состав государства Караханидов.

Что касается других наречий обще-турецкого языка и, в частности, кипчакского, хазарского и некоторых других, то они в „Диване“ представлены значительно слабее или совсем не представлены, как об этом говорит и сам Махмуд.

Замечание это относится, скорее, не к словарному материалу, который всё же представлен довольно богато и охватывает довольно много турецких наречий, а, главным образом, к другому материалу, содержащемуся в „Диване“: народному фольклору, народной поэзии, пословицам и т.д.

Этот последний материал почти целиком взят из богатой сокровищницы вышеупомянутых мною северо-восточных турецких племён. Но и это обстоятельство не должно умалить значение работы кашгарского учёного, ибо основную задачу свою — дать обще-турецкий словарь — в общем он выполнил, пожалуй, даже лучше своих учителей, арабских лексикографов. Дело в том, что, приводя то или другое слово, которое не является обще-турецким, Махмуд всегда указывает, какому племени оно принадлежит, как оно произносится, и нередко даёт его синонимы в других турецких наречиях, что, к сожалению, очень редко делали составители арабских словарей. Благодаря принятой Махмудом системе, мы имеем возможность лучше изучить турецкую диалектологию, а, стало быть, и историю турецкого языка вообще. Этим преимуществом „Диван“ Махмуда обязан тому счастливому обстоятельству, что его автор лично собирал весь нужный ему материал из уст народа, тогда как большинство арабских лексикологов работали над материалом, собранным большей частью другими. В этом отношении Махмуд, можно сказать, является вполне самостоятельным.

Другой заслугой Махмуда, которая нисколько, по нашему мнению, не уменьшается от того, что то, чем он её приобрёл, было подсказано его учителями, заключается во-1/в богатой фразеологии, которую он даёт в своём „Диване“ и которую он берёт из живой народной речи; во-2/ — в том, что он, для выяснения точного смысла того или другого слова, часто ссылается на современную ему, а, может быть, и более древнюю народную, не-писаную литературу, приводит массу стихов, пословиц, народных изречений и т.д., которые без этого, вероятно, никогда бы до нас не дошли, и в-3/ — в том богатом фольклоре, мифических сказаниях, народных этимологиях и другом литературном материале, которым он пересыпает почти весь свой „Диван“ и которого тщетно стали бы мы искать в каком-либо другом турецком источнике.

Ко всему сказанному необходимо прибавить и то, что по всему „Дивану“ разбросано много этимологического и синтаксического материала, который, будучи собран и приведён в систему, составит довольно обьемистый том — первую научно-составленную сравнительную грамматику турецких наречий. Здесь не место входить в подробную научную оценку грамматических взглядов Махмуда Кашгарского и значения собранного им грамматического материала. Для нашей цели достаточно здесь заметить, что 1/разбросанные по всему „Дивану“ этимологические и фонетические правила и замечания являются первым опытом создания научной турецкой грамматики, что 2/ ни одно из явившихся на Востоке после труда Махмуда аналогичных сочинений не может ни в каком отношении идти с ним в сравнении, и что

3/ громадное большинство впервые подмеченных Махмудом грамматических и фонетических явлений сохраняют своё научное значение и по настоящее время. Без преувеличения можно сказать, что основные законы турецкой фонетики и этимологии, которые сравнительно недавно стали предметом изучения у нас и на Востоке, были подмечены и изучены ещё в Х в. нашим автором с такой широтой и глубиной, которые делают честь любому сочинению по языку даже Х¹Х в. Таковы, например, законы о сингармонии звуков в турецких словах /1, 13; П, 41-42/, меткие замечания о форматинных суффиксах и инфиксах и их значениях /1, 18-22; П, 40-48, 56; 178 и др./, об образовании имён существительных и значении каждой формативной частицы, о регулярном чередовании звуков в разных турецких наречиях, /1, 30-34/, что даёт нам богатый материал для изучения турецкой диалектологии и лишний раз подтверждает мнение о распаде т.н. общетурецкого праязыка, если только он когда-либо существовал, на разные диалекты ещё задолго до Х в.

На основании всего сказанного мы вправе сказать, что труд Махмуда Кашгарского на несколько веков опередил свою эпоху, что ещё раз свидетельствует как о серьёзных занятиях Махмуда в Багдаде, так и о высоте научных достижений в столице аббасидов и других арабских школах. Правда, многие вопросы, имеющие отношение к турецкой фонетике и целые отделы из области этимологии не затронуты Махмудом в „Диване“, но это, как мы узнаём от него самого /1, 24/, потому, что он этим вопросам уделил особую книгу:....., не дошедшую, к сожалению, до нас.

Ко всему вышесказанному необходимо прибавить ещё и то, что, как в предисловии к своему „Дивану“, так и во многих других местах, Махмуд сообщает ценные сведения о многих турецких

племенах, их расселении по громадной и для того времени территории с приложением даже географической карты, о принятых у некоторых турецких племён/огухов/ приметах на их лошадях, о старом турецком летосчислении и т.д. и т.д.

Всё это придаёт труду Махмуда характер "турецкой энциклопедии" и делает знакомство с ней положительно необходимым для всякого, кто интересуется не только турецкой филологией, но и богатым прошлым турецкого народа или, по крайней мере, одной из самых далёких и интересных частей его.

К сожалению, пользование "Диваном турецких языков" в том виде, в каком он издан в Константинополе, является делом весьма не лёгким. Прежде всего нужно сказать, что "Диван" издан без всяких указателей, без которых положительно нельзя обойтись в подобных трудах. Затем, самую систему расположения словарного материала не по алфавиту или по семействам, а по числу слогов, систему, заимствованную также у арабов, нужно считать крайне неудачной, ибо она не только затрудняет быстрое нахождение нужного слова, но заставляет часто искать его и производные от него слова в разных местах.

Эти и некоторые внешние недостатки изданного на Востоке "Дивана", этого редкого памятника древне-турецкого языка и литературы, должны вызвать новое, строго научное издание, где были бы устранены эти недостатки. Пожелаем, чтобы это новое издание появилось у нас в СССР, где туркологии уделяется так много внимания и где она представлена лучше, чем где бы то ни было.
